

Позже Линь Юэюэ написала в личном дневнике несколько строк об этом дне. Ее почерк дрожал так, будто она до сих пор не отделалась от пережитого страха, но восклицательных знаков в конце предложений оказалось больше, чем когда-либо. Вот что было сказано в оригинале: Если однажды кто-нибудь спросит тебя, что такое социальная смерть, ответь ему так: оказаться в комнате страха перед лицом своего краха, от испуга вцепиться в него всеми конечностями и повиснуть у него на шее, а потом выяснить, что твой микрофон не был выключен и каждый твой визг записался в материалы для шоу. Вот что такое социальная смерть. Но если бы все повторилось сначала, я, пожалуй, все равно запрыгнула бы на него. Потому что в тот момент мое тело гораздо раньше мозга поняло, кому я доверяю больше всего.

Все произошло через два дня после съемок клипа в женских нарядах. Компания организовала для всей команды поездку на специальный выпуск летнего развлекательного шоу — испытание в комнате страха. В расписании черным по белому значилось: пять участников по очереди заходят в мрачный павильон, находят по карте реликвии, спрятанные в трех зонах, и укладываются в тридцатиминутный лимит. Весь процесс снимался на стационарные камеры, а каждый участник был снабжен экшн-камерой GoPro и петличным микрофоном, чтобы впоследствии смонтировать специальный эпизод.

Получив расписание, Линь Юэюэ как раз занималась танцами в комнате Су Синьхао. Стоило ей открыть файл и увидеть слова комната страха, как бутылка с водой чуть не выпала у нее из рук. Она боялась призраков. И не просто недолюбливала — это был тот уровень ужаса, при котором душа улетает в пятки. С самого детства она не смела смотреть фильмы ужасов, боялась ходить в темноте по улице, а в университетском общежитии, когда соседки травили страшные истории, натягивала одеяло на голову и затыкала уши. Наблюдая за кумирами, она всегда закрывала экран руками и подглядывала сквозь щель между пальцами — смотрела только на летящие комментарии, избегая картинки. А теперь ей предстояло в облике Су Синьхао лично ступить внутрь комнаты страха, да еще и под прицелом множества камер, фиксирующих каждый шаг.

Она сделала скриншот и отправила его Су Синьхао.

— Ты видел это? — спросил Су Синьхао.

— Видела, — ответила Линь Юэюэ. — Летний спецвыпуск. В прошлом году они делали то же самое, и я тогда участвовала.

— Ты боишься призраков?

— Су Синьхао не боится призраков.

— Я спрашиваю не про Су Синьхао. Я спрашиваю тебя.

— ...Что до меня самой, то я из тех людей, кто закрывает глаза на страшных моментов в фильмах, поет песни в темноте для храбрости, а после рассказов соседок по общежитию не может нормально спать целую неделю.

— И как же ты поступишь в комнате страха? У Су Синьхао образ человека, который ничего не боится. В прошлом году он прошел всю комнату с абсолютно каменным лицом, так что даже аниматоры от злости едва не рассмеялись.

— Я знаю. Я смотрела тот выпуск. У тебя было ледяное выражение лица, а в чате вовсю писали, будто Су Синьхао заявился в комнату страха проводить санитарную проверку.

— Верно. Поэтому и в этот раз ты должна поддерживать этот образ. Никаких криков, никакого бегства, никаких попыток спрятаться за чужие спины.

— Я постараюсь.

Глядя на эту строчку, Линь Юэюэ мысленно зачеркнула слово постараюсь и заменила его на тут, пожалуй, понадобится чудо.

В день съемок во второй половине дня команда прибыла к крупному иммерсивному аттракциону на окраине города. Здание стилизовали под заброшенную больницу: грязно-белые стены были испещрены темно-красными граффити, окна заколочены досками, у входа висели потрепанные белые занавески, а из динамиков доносился режущий слух скрежет металла вперемешку с едва уловимым плачем. Стоя у входа и глядя в зловещую темноту дверного проема, Линь Юэюэ почувствовала, как по спине уже побежал холодный пот. Сотрудники подошли, чтобы помочь закрепить оборудование: на грудь повесили микрофоны, на лоб надели экшн-камеры GoPro, чтобы в режиме реального времени транслировать точку зрения каждого участника на мониторы в аппаратной. Режиссер объяснил правила: заходить по очереди согласно жеребьевке, с интервалом в две минуты. Линь Юэюэ вытянула четвертый номер, Чжу Чжисинь достался третий. Чжан Цзи шел первым, Чжан Цзэюй — вторым, а Цзо Хан замыкал шествие. Чжан Цзи радостно потирал руки: Наконец-то моя очередь идти в авангарде! Посмотрите, как я сейчас перепугаю этих аниматоров! Чжан Цзэюй тут же съезвил: В прошлый раз ты говорил то же самое, а потом три минуты сидел на корточках в углу и не смел шелохнуться. Чжан Цзи попытался обиженно возразить, но работники съемочной группы дали знак о готовности, и он раздвинул занавеску, шагнув внутрь. Спустя две минуты из рации раздался первый вопль Чжана Цзи.

Пальцы Линь Юэюэ задрожали. Стоя снаружи и прислушиваясь к доносившимся изнутри крикам, топоту и зловещему смеху аниматоров, она ощущала каждый звук так, будто кто-то водил птичьим пером по ее затылку. Девушка отчаянно пыталась вызвать в памяти кадры из прошлогоднего шоу с участием Су Синьхао: его лицо оставалось беспристрастным от начала и до конца, а когда неожиданно выпрыгивал актер, он лишь чуть приподнимал брови, пока зрители в чате восторгались тем, как далеко зашло умение Су Синьхао управлять своими эмоциями. Ей нужно было воссоздать это состояние. Она — Су Синьхао. Су Синьхао не боится призраков.

Наступила очередь Чжу Чжисиня. Проходя мимо, он на мгновение замедлил шаги и бросил на нее взгляд сверху вниз. Наверное, ее выражение лица оставляло желать лучшего, потому что уголки губ Чжу Чжисиня чуть дрогнули, и он тихо произнес так, чтобы слышали только они двое: Если станет страшно, дождись меня у выхода.

— Я не боюсь, — рефлекторно заупрямилась Линь Юэюэ.

Чжу Чжисинь не стал разоблачать ее ложь. Он лишь произнес это «хорошо» так прозвучало, будто давал нерушимое обещание, после чего развернулся, раздвинул занавеску и скрылся во мраке.

Две минуты спустя подошла очередь Линь Юэюэ. Собравшись с духом у самого входа, она глубоко вдохнула, напрягла корпус, как ее учил Су Синьхао, выровняла шаг и шагнула за занавеску. Темнота мгновенно поглотила ее.

Первый коридор был оформлен в стиле морга. Вдоль стен выстроились металлические катафалки, покрытые окровавленными простынями, под которыми угадывались чьи-то зловеще вздымающиеся контуры. Тусклый мертвенно-зеленый свет то вспыхивал, то гас, из-за чего кровавые отпечатки на стенах казались ползущими живыми существами. Фоном звучал женский плач — то приближавшийся, то удалявшийся, так что невозможно было понять, откуда именно он несется. Сердце Линь Юэюэ забилося с такой скоростью, что тело Су Синьхао уже подавало сигналы тревоги: умный браслет на запястье едва ощутимо завибрировал, предупреждая об аномальном пульсе. Глубоко вздохнув, она продолжила движение. Шаг чуть быстрее обычного, корпус напряжен, на лице маска полного равнодушия — в голове она трижды повторила три главных правила Су Синьхао для комнат страха, после чего поравнялась с первой катафалкой. Белая простыня на ней резко взлетела вверх, и перемазанный бутафорской кровью аниматор вскочил на носилках, оказавшись лицом к лицу с девушкой на расстоянии всего нескольких сантиметров.

В этот момент мозг Линь Юэюэ прошел через три стадии. Первая стадия: здравый смысл — это всего лишь актер, это подделка, грим, Су Синьхао не боится подобного. Вторая стадия: инстинкты — какой-то окровавленный человек внезапно вскочил и находится в трех сантиметрах от моего лица! Третья стадия: беззвучный вопль — но этот крик так и не сорвался с ее губ, силой воли подавленный безупречной выдержкой Су Синьхао. В итоге из ее горла вырвался лишь слабейший, сдавленный писк.словно щенок, которому прищемили хвост, но он не смеет издали подать голос. Затем, сохраняя фирменную походку Су Синьхао, выверенный темп шага и напряженный пресс, с непроницаемым выражением лица она прошествовала мимо актера. Проходя мимо, она даже расслышала, как за спиной аниматор шепотом бросил коллеге: Почему этот вообще не кричит? Второй напарник тихо ответил: Да это же тот самый парень, который в прошлом году пришел сюда инспектировать чистоту, не трать силы зря.

Мысленно Линь Юэюэ мысленно поставила Су Синьхао большой палец вверх. Этот образ стал легендой среди работников местных комнат страха.

Миновав морг, она вступила во второй коридор — лабиринт операционной. Обстановка стала еще мрачнее, проход сузился настолько, что протиснуться мог только один человек, а стены сплошь покрывали ржавые хирургические инструменты, и поворачивать приходилось едва ли не каждые несколько шагов. Вверху вращался красный аварийный фонарь, разбрасывая вокруг причудливые тени. Ей стоило завернуть за угол, как из укрытия выскочил человек в забрызганной кровью маске и с бутафорской бензопилой в руках, издававшей оглушительный визг. Тело Линь Юэюэ среагировало раньше мозга: она шагнула назад, и спина уперлась в стену. И тут она осознала две вещи: во-первых, пути к отступлению нет; во-вторых, сзади вовсе

не стена. А живой, теплый человек на несколько сантиметров выше ее ростом, чье дыхание она отчетливо ощущала. Резко обернувшись, в анизотропном красном свете аварийной лампы она разглядела лицо Чжу Чжисиня.

Он стоял неподвижно, глядя на нее сверху вниз. Багровые отблески делили его черты на светлые и темные полутени, но глаза сияли особенно ярко, излучая удивительное для такой обстановки спокойствие. Ты же говорила, что не боишься? — тихо спросил он, и в его голосе не было и намека на насмешку, скорее звучало желание оценить ее состояние.

Не успела она ответить, как аниматор с бензопилой подался вперед, и рев мотора оглушающим эхом прокатился по тесному коридору. Закрыв глаза, Линь Юэюэ совершила поступок, в котором поклялась бы себе никогда не заходить так далеко: она запрыгнула на Чжу Чжисиня. Не прислонилась, не отпрянула — именно запрыгнула. Оторвав ноги от пола и обвив руками его шею, она повисла на нем точно испуганная коала. Ее экшн-камера столкнулась с его камерой, издав глухой стук. Петличный микрофон задел воротник его одежды, объединив дыхание обоих в единый звуковой канал.

А после она закричала. Это был уже не подавленный писк, а настоящий, полноценный, исторгнутый из самой глубины души крик. Он пробил рев бензопилы, отразился эхом от стен коридора, пронесся по всему помещению и угодил прямоком в динамики аппаратной, заставив работника, делавшего глоток воды, подавиться и расплескать половину содержимого стакана.

Реакция Чжу Чжисиня оказалась странной. Он не оттолкнул ее, не потребовал слезть и даже не улыбнулся. Ловя затихающие отзвуки этого крика, он лишь протянул руки: одной приобнял ее за поясницу, а второй аккуратно поддержал за затылок. Именно поддержал, а не просто прижал. Его ладонь легла на волосы, пальцы зарылись в пряди парика, притягивая ее лицо к своему плечу. После этого он развернулся, подставив спину тому злосчастному аниматору, и ровным голосом произнес фразу, прозвучавшую так, будто они обсуждали самую заурядную рабочую задачу: Ему страшно. В этом месте больше не пугайте его.

Актер замер. Не потому, что так было прописано в сценарии, а от подлинного изумления. За весь сезон съемок летних спецвыпусков ему довелось повидать самые разные реакции: визги, бегство, панику на корточках, брань, — но еще никогда участник не просил за другого словами здесь больше не пугайте его. Опустив бензопилу, он ошарашенно посмотрел на них, а затем молча отступил в тень угла.

В коридоре внезапно воцарилась тишина. Аварийный фонарь продолжал крутиться, багровые отблески мигали, но все жуткие звуковые эффекты словно отступили куда-то далеко. Повиснув на Чжу Чжисине, Линь Юэюэ уткнулась лицом в его плечо, впитывая кончиком носа запах ткани его воротника — знакомый и ставший таким родным аромат кондиционера для белья вперемешку с едва уловимым теплом кожи. Сердце колотилось так дико, будто готово было вырваться из груди, хотя она уже не понимала, испугалась ли она призраков или самого Чжу Чжисиня.

— Ты можешь слезть, — раздался над ее макушкой его голос — все такой же спокойный и низкий, но с едва заметной, неуловимой хрипотцей.

Опустившись на ноги, Линь Юэюэ почувствовала, что колени все еще ватные. Опустив голову, она не решалась заглянуть ему в глаза. Уши Су Синьхао — она знала это без всяких зеркал — сейчас пылали так, что на них вполне можно было жарить яичницу. Упершись рукой в стену, она принялась с усердием изучать висевшие на ней хирургические инструменты. — Спасибо, — попыталась она выдать голос Су Синьхао, но тот звучал слишком тихо, совершенно не напоминая уверенного в себе парня.

Чжу Чжисинь ничего не ответил. Лишь дождавшись, пока она твердо встанет на ноги, он коротко бросил: Идем дальше. Оставшийся путь я пройду рядом с тобой.

Вторую половину маршрута Чжу Чжисинь прошел впереди. Не демонстративно, а совершенно естественно — точно так же, как в дождливый день под зонтом, закрывая ее своим телом от всех возможных опасностей и страхов. Приближаясь к поворотам, он сначала заглядывал за угол сам, убеждаясь в безопасности, и лишь потом позволял ей следовать за собой. Когда мимо бутафорского гроба крышка внезапно со щелчком отскочила вверх и оттуда выскочил скелет, Чжу Чжисинь просто придавил ее ладонью и водворил на место. Спрятавшийся поблизости аниматор явно растерялся — этого в сценарии не было. Постучав пальцами по крышке гроба, Чжу Чжисинь бросил актеру: Вы отлично потрудились, — и продолжил путь.

Шагая следом, Линь Юэюэ замечала каждую мелочь. Он защищал ее от призраков, любезно приветствовал аниматоров, заранее распахивал перед ней те двери, за которыми могло таиться что-то пугающее. И тут ее осенило: о Су Синьхао никогда в жизни никто так не заботился. Для всех окружающих Су Синьхао оставался воплощением неуязвимости — тем, кто не боится ни призраков, ни трудностей, ни любых испытаний. Никому и в голову не приходило, что Су Синьхао тоже может чего-то бояться. Но Чжу Чжисинь не воспринимал ее как Су Синьхао. Он прекрасно понимал, что перед ним Линь Юэюэ — девчонка, которая закрывает глаза на страшных моментах фильмов и поет в темноте ради храбрости. Брошенная им аниматору фраза ему страшно формально использовала мужской род, но забота предназначалась именно Линь Юэюэ.

Добравшись до финальной точки с реликвией, они оказались в более светлом помещении. Это была стилизованная библиотека, залитая мягким теплым светом. Последний предмет лежал на верхней полке книжного шкафа; Чжу Чжисинь снял его оттуда и протянул девушке. Приняв находку, она наконец набралась храбрости и подняла на него взгляд.

— Только что... — начала она.

— Думаю, тот момент вырежут при монтаже, — перебил он мягко. — Я попрошу режиссера не пускать в эфир кадры, где ты запрыгнула на меня. И запись с GoPro тоже можно зачистить.

Линь Юэюэ остолбенела. Не из-за заботы о вырезанных кадрах — в этом весь Чжу Чжисинь, он всегда предусмотрительно сводит риски к нулю. А потому, что он истолковал ее слова совершенно иначе. Он решил, что ей неловко, что она переживает за имидж в эфире и заботится о телевизионной картинке. Он даже не догадывался, что ее волновало совсем другое.

— Я не это хотела сказать, — покачала головой она.

Чжу Чжисинь ждал продолжения, не сводя с нее глаз.

— Я хотела сказать... — пальцы Линь Юэюэ сжали реликвию так сильно, что побелели костяшки, — когда ты закрыл меня собой, меня осенило. О Су Синьхао никогда и никто не заботился подобным образом. Все привыкли считать, что ему все нипочем. Но ты не такой. Ты знал, что мне страшно, потому что знал: я — это не он.

Чжу Чжисинь молча слушал, не перебивая.

— И я подумала, — голос девушки звучал так тихо, что его едва заглушала фоновая музыка, — если бы у Су Синьхао был кто-то, кто способен так его защитить, разве не стало бы ему хоть немного легче жить на свете?

Услышав это, она заметила, как ресницы Чжу Чжисиня едва заметно дрогнули. Движение было микроскопическим, но за последнее время Линь Юэюэ научилась слишком остро улавливать его мимику. А потом он опустил голову и усмехнулся. Это была не показная улыбка для камер и не сдержанный смешок от удачной шутки. Легкая, чуть горьковатая улыбка человека, которого задела за живое.

— А ты знаешь, почему Су Синьхао никогда ни в ком не нуждался? — тихо спросил он.

Линь Юэюэ покачала головой.

— Потому что он искренне верил: защитить его некому, — голос Чжу Чжисиня звучал так мягко, будто он озвучивал выводы, вынашиваемые годами и никому прежде не доверенные. — В период стажировки у него началось воспаление коленного сустава, и он в одиночку ходил в медкабинет откачивать жидкость. Возвращался и продолжал тренироваться, никому ни слова не сказав. Позже я понял: дело не в том, что он умел терпеть боль. Просто он знал — толку жаловаться все равно не будет.

Подняв глаза, он встретился с ее взглядом. Теплый свет ламп отражался в его зрачках точно золотистые лучи закатного солнца в тренировочном зале несколько дней назад.

— И раз уж ты заговорила о том, что кто-то может его защитить, — произнес он, — эта мысль звучит неплохо. Очень надеюсь, что ты права.

Когда Линь Юэюэ и Чжу Чжисинь вышли к выходу, Чжан Цзи прислонился к стене, попивая воду. Завидев Линь Юэюэ, он тут же принялся издевательски аплодировать — с той самой медленной, раздражающей манерой. — О-о-о! Су Синьхао явился! Признавайся, орал там внутри? Мне показалось, я слышал вопль... Нет, я абсолютно уверен, что слышал, потому что глотка была на редкость луженой! Чжан Цзэюй добавил масла в огонь: Работники аппаратной

сказали, что график твоего пульса в самый страшный момент взлетел круче любых котировок на бирже! Цзо Хан неизвестно где добыл кадр с монитора экшн-камеры — на экране телефона отчетливо запечатлелся тот самый миг, когда она повисла на шее у Чжу Чжисиня: лицо уткнулось в его плечо, ноги оторвались от пола, руки обхватили за шею, а Чжу Чжисинь придерживал ее за поясницу и затылок.

— За этот снимок я прошу пятьсот, — совершенно серьезно заявил Цзо Хан. — Если продать фанатам, можно выручить вдвое больше.

Линь Юэюэ попыталась выхватить телефон, но Чжу Чжисинь перехватил ее руку. Просто подняв ладонь, он забрал аппарат у Цзо Хан и хладнокровно удалил злополучный кадр. Движения оставались неторопливыми и размеренными, словно он избавлялся от рекламного спама.

— Не храни мусор, — спокойно бросил он. — Некрасиво получилось.

Цзо Хан разочарованно спрятал телефон, бормоча под нос обвинения в жадности, но спорить больше не посмел.

На обратном пути в машине Линь Юэюэ притворилась спящей у окна, а на деле тайком прокручивала в голове события уходящего дня. Проведя ладонью по затылку, она словно вновь ощущала прикосновение Чжу Чжисиня. Тепло его руки, прошедшее сквозь слои парика и сетки, впечаталось в ее память надежнее любой записи с экшн-камеры.

Телефон тихонько завибрировал. Сообщение от Су Синьхао.

— Слышал, сегодня в комнате страха ты запрыгнул на Чжу Чжисиня, — гласил текст.

— Откуда ты знаешь? — ответила она.

— Чжу Чжисинь рассказал.

— ...Поразительно, почему он докладывает тебе обо всем?

— Он также передал твои слова, сказанные о тебе самом. О том, что о Су Синьхао никогда никто не заботился.

— Верно. Я так и сказал.

— К чему вдруг такие откровения?

— Потому что в ту секунду, когда он прикрыл тебя — меня — тело Су Синьхао своей спиной, меня вдруг прошибло: как было бы здорово, если бы кто-то отнесся так к настоящей тебе. Не к Су Синьхао, не к чужому телу, а к той измотанной Линь Юэюэ, что изо всех сил старается играть чужую роль, хотя внутри ей смертельно страшно. Он хорошо к тебе относился, потому что ты — это ты. Ты заслуживаешь защиты. А значит, заслуживаешь вдвойне.

— С каких пор ты стал таким красноречивым?

— Жизнь заставила. Когда ежедневно выслушиваешь отчеты о твоих эмоциональных качелях, волей-неволей научишься выражать мысли.

— А как же твои собственные эмоции?

— Какие еще эмоции?

— Когда он защищал Су Синьхао, ты же все видел.

— Видел.

— И что ты чувствовал?

— Не могу толком объяснить. Не радость, но и не досаду. Скорее... будто кто-то сделал за меня то, чего, как мне казалось, никто и никогда не сделает.

— Разве это не повод для радости?

— Но я-то прекрасно понимаю: защищал он не меня. Он защищал тебя.

Линь Юэюэ уставилась на последнюю строчку, чувствуя, как в груди одновременно застряли тяжелый камень и комок ваты — до того сделалось душно и тоскливо. Ей хотелось что-то ответить, но набранный текст стирался снова и снова. В конце концов она отправила всего три слова.

— Прости, — написала она.

— Тебе не за что извиняться, — пришел ответ. — Ты проживаешь мою жизнь за меня, я проживаю твою — разве мы не подписывали такой договор?

— Разве что в тексте договора не было одного пункта — ты заставляешь меня прочувствовать то, чего я никогда раньше не испытывала. Ощущение того, что тебя защищают, одно из таких.

— И что ты почувствовала?

— Я почувствовала тот страх, какого ты никогда не знал. И одновременно — ту уверенность и спокойствие, когда в минуты ужаса есть на кого опереться.

В окне чата долго сохранялось молчание. Настолько долгое, что Линь Юэюэ уже решила, будто Су Синьхао уснул. Но экран снова вспыхнул.

— После того как мы вернемся в свои тела, если я снова окажусь в комнате страха, я обязательно вспомню твои слова о том, что кто-то должен его защитить.

— И что же ты сделаешь?

— Попробую сама стать этим кем-то.

— Ты? Защитишь его?

— А почему бы и нет? Теперь-то я знаю, как это делается. Просто запрыгнуть сверху.

<http://bllate.org/book/20903/2113186>